

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-103-114

УДК 94

Антон Крутиков

Временное правительство России и реформы местного самоуправления в Прибалтике в 1917 г. Часть 2. Законотворческая деятельность в мае-июне 1917 г. и ее итоги

Аннотация. Временное правительство в Петрограде предполагало решить проблему самоуправления прибалтийских территорий не столько путем предоставления дополнительных прав местным национальностям, сколько в духе революционного централизма и интеграции прибалтийских губерний в общероссийскую систему земских учреждений. Главным вызовом для него стал не рост регионального национализма, а распространение большевизма. Большевизация прибалтийских территорий, особенно нынешней Латвии, действительно, в значительной мере предопределила плачевную судьбу кабинета А. Керенского. После углубления Русской революции и ухода с исторической сцены Временного правительства развитие ситуации в Прибалтике происходило в условиях определяющей роли факторов Первой мировой и Гражданской войн. «Антинемецкий» и «антибольшевистский» характер провозглашения государственности Эстонии и Латвии подчеркивал сложные внешнеполитические обстоятельства, в которых оказались малые народы Прибалтики, стремившиеся прежде лишь к национальной автономии. В статье использованы малоизвестные документы из фонда департамента общих дел министерства внутренних дел Временного правительства, хранящиеся в ГАРФ.

Ключевые слова: Россия, Прибалтика, Эстляндия, Лифляндия, Временное правительство, Первая мировая война, национальный вопрос, национальная политика, Комиссия Б.Б. Веселовского.

Реформы местного самоуправления в Прибалтике в мае — июне 1917 г.

Май 1917 г. стал временем активной законотворческой работы Временного правительства, когда были подготовлены несколько важных проектов административных реформ общегосударственного масштаба. Разработанное Юридическим совещанием Временное положение о губернских и уездных комиссарах стало основным нормативно-правовым актом, регламентирующим организацию местной власти. Губернский комиссар, согласно этому документу, был представителем Временного правительства «как Всероссийской государственной власти» [Проект положения...]. Специфический

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorzel1000@gmail.com.

характер власти Временного правительства (соединившего в своих руках законодательные и исполнительные функции) распространялся также и на институт комиссаров. Как представитель исполнительной власти, губернский комиссар выступал «стражем законов, а равно блюстителем общественного благосостояния, спокойствия и безопасности» [Там же]. Кроме этого, комиссары обладали правом издания обязательных для исполнения постановлений. Институт комиссаров находился в ведении Министерства внутренних дел, губернные комиссары назначались на должность и увольнялись Временным правительством по представлению министра внутренних дел. Таким образом, комиссар выступал главным носителем местной власти, сохранение этой должности в структуре МВД продолжало дореволюционную традицию организации местного управления.

В разработке правительства находилось также Временное положение о волостном земском управлении, которое содержало главную новацию — введение бессословного волостного земского самоуправления. Иницилируя эти реформы, Временное правительство готовилось распространить действие земских учреждений на те губернии России, где до февраля 1917 г. не было общегосударственной системы земского самоуправления. Речь шла об Архангельской губернии, Сибири, а также о «других местностях, в которых до настоящего времени земское положение еще не действует, в том числе, в губерниях Прибалтийских» [Журнал Комиссии... Л. 7].

Находившиеся в Петрограде представители латышского и эстонского населения были осведомлены об этой законодательной работе, и курс правительства вызывал у них растущее беспокойство. У эстонских и латышских национальных элит сложилось впечатление, что правительство готовится распространить на прибалтийские губернии действие общероссийского положения о земском самоуправлении. В связи с этим Постановление 30 марта для Эстляндии следовало рассматривать лишь как декларативный акт, не имеющий силы закона. Для представителей латышей и эстонцев была очевидна тенденция к унификации местного управления, которой придерживалось Временное правительство, пытаясь положить конец возникшей на местах «революционной вольнице».

Дальнейшая судьба прибалтийских территорий должна была разрешиться через конфликт общегосударственных и местных интересов в ходе прямой дискуссии представителей национальных элит и назначенных правительством экспертов. 20 мая 1917 г. правительство подготовило Основные положения проекта земского устройства Прибалтийского края, где содержались предварительные предложения по реформе местного самоуправления в Прибалтике. Согласно этому документу, Прибалтийский край планировалось разделить «по этнографическому признаку на две части: эстонскую и латышскую, из коих каждая образует особую земско-хозяйственную единицу — губернию, подразделяемую на существующие уезды и волости. Города выделяются из состава уезда и участвуют особо в губернском представительстве» [Основные положения... Л. 5]. Общие принципы уездного и губернского самоуправления должны были соответствовать принципам организации земских учреждений во внутренних губер-

ниях. Органы земского самоуправления в Прибалтике предполагалось организовать «путем выборов на началах, установленных для земских выборов во внутренних губерниях» [Там же]. Земства имели распорядительные и исполнительные органы: советы и управы (комитеты). Число членов советов определялось в зависимости от количества населения. Компетенция земских органов охватывала дела самоуправления, определяемые в Положении о земских учреждениях и «в других законах, а равно предметы ведения упраздняемых волостных, приходских и дворянско-земских учреждений» немецкого сословного самоуправления [Там же].

Документ регулировал также важный вопрос использования национальных языков в прибалтийских губерниях: язык делопроизводства земских учреждений в эстонской половине края был установлен эстонский, а в латышской — латышский. При этом сохранялась возможность использования местным населением русского языка: «Каждый имеет право обращаться в земские учреждения и получать от них ответы на русском языке или одном из местных» [Основные положения... Л. 5]. Сношения земских органов со всеми правительственными учреждениями, местными и центральными, должны были происходить на русском языке [Там же].

В конце мая 1917 г. Временное правительство создало Комиссию под председательством Б.Б. Веселовского, историка земства и специалиста по местному самоуправлению, для рассмотрения проекта административных преобразований в прибалтийских губерниях. Журнал заседаний Комиссии 26–29 мая является ценным историческим источником, детально раскрывающим ход обсуждения вопроса о реформах самоуправления в Прибалтике весной 1917 г.

В состав Комиссии вошли представители латышской и эстонской общественности, а также эксперты Временного правительства. Среди участников эстонских национальных организаций были представлены Яан Поска, Антон Пийп, Яан Рамот и Яан Тыниссон, в будущем занимавшие высшие государственные посты в Эстонской республике [Комиссия по разработке... Л. 7]. Среди латышских представителей выделялся бывший депутат Государственной Думы, социал-демократ А.И. Предкальн, назначенный Временным правительством комиссаром Лифляндской губернии. Интересы правительства представляли среди прочих участников князь С.П. Мансырев (депутат Государственной Думы от г. Риги, товарищ председателя Комиссии по борьбе с немецким засильем, в марте 1917 г. — комиссар ВКГД на Западном фронте) и барон В.В. Меллер-Закомельский, бывший член Государственного Совета [Там же]. В Комиссии участвовал также барон А.А. Пилар фон Пильхау, бывший член Государственного Совета и Лифляндский губернский предводитель дворянства. Состав позволял говорить о достаточно полной репрезентации интересов всех заинтересованных групп.

Комиссия предполагала рассмотреть Основные положения проекта земского устройства Прибалтийского края, подготовленные МВД. Однако такая повестка сразу встретила возражения представителей прибалтийских губерний. Национальные представители указали, что после издания Постановления 30 марта для Эстляндской губернии

уже начались выборы в уездные и губернский земские советы. «Население, идя на встречу высказанному Временным правительством пожеланию, начало уже самоорганизовываться» [Журнал Комиссии... Л. 7]. Кроме того, решить вопрос о самоуправлении в Прибалтике в целом можно было только после освобождения Курляндии, оккупированной противником. «При таких условиях, — считали латышские и эстонские представители, — в переживаемое революционное время едва ли было бы целесообразным вместо Постановления 30 марта 1917 г., несмотря на некоторые его несовершенства, вводить в жизнь новый закон о земском управлении» [Там же].

Вместо этого представители прибалтийских губерний предложили рассмотреть и принять документ о введении в действие Постановления 30 марта 1917 г. о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии. Также было необходимо принять аналогичное постановление для Лифляндской губернии и проект закона о введении его в действие.

Документ о введении в действие Постановления 30 марта 1917 г. о местном самоуправлении в Эстляндской губернии был рассмотрен Комиссией и принят с рядом изменений и дополнений. Открытие новых земских учреждений в Эстляндской губернии было возложено на губернского комиссара на основании изданных им правил [Журнал Комиссии... Л. 8]. Было предложено устранить несоответствие между Постановлением 30 марта и общероссийским избирательным правом, установив для всех граждан минимальный возраст 20 лет для участия в выборах [Там же].

Дискуссию вызвал вопрос о немедленной ликвидации старых губернских учреждений в Эстляндии после открытия новых, обнаруживший диаметрально противоположные подходы представителей местного населения и Временного правительства. Эстонские представители настаивали на ликвидации всех прежних губернских учреждений после открытия земских советов в Эстляндской губернии. Разрушение старого административного аппарата было продиктовано самим ходом революции и позволяло общественным активистам и национальным партиям на местах захватить и удерживать власть. Временное правительство (которое всего несколько недель назад получило власть из рук Временного комитета Государственной Думы и Петросовета) неожиданно обнаружило, что этот путь несет риски дезинтеграции аппарата управления на местах и угрожает безопасности государства.

Многие губернские учреждения по характеру их деятельности не могли быть заменены ни земскими советами, ни губернским комиссаром. Это относилось, например, к губернским по воинским делам присутствиям и к губернским присутствиям по крестьянским делам (последние ведали выдачей пайков семьям военнслужащих, находившихся на фронте). Эксперты Временного правительства выступили против немедленной ликвидации этих учреждений. По их мнению, «в этом деле нужна известная техника и рушить уже налаженное дело было бы крайне неосторожно» [Журнал Комиссии... Л. 10]. Не возражая в принципе против передачи «некоторых функций государственной власти земскому совету», члены Комиссии полагали, что для этого нужно

дать «возможность сконструироваться новым местным органам управления» [Там же].

Образование новых исполнительных органов на местах было предложено считать обязательным условием для передачи им дел и имущества ликвидируемых учреждений. Присутствия по воинским и крестьянским делам было решено сохранить, введя в их состав выборных представителей от земских советов. В будущем дела ликвидируемых административных учреждений Эстляндской губернии планировалось передавать не Земскому совету (как предлагал проект), а созданным им новым исполнительным органам [Журнал Комиссии... Л. 10]. Комиссия также дополнила проект определением волостного устройства земского самоуправления в соответствии с ранее рассмотренным правительством Временным положением о волостном земском управлении. Бессословная волость в Эстляндской губернии должна была включать все типы земель, в том числе крестьянские, частновладельческие, церковные и казенные [Журнал Комиссии... Л. 14].

Рассмотрение проекта постановления о самоуправлении в Лифляндской губернии и закона о введении его в действие встретило наибольшее число замечаний членов Комиссии. Латышские представители надеялись, что после успешного разрешения вопроса о новых границах Эстляндской губернии и издания Постановления 30 марта Временное правительство согласится на увеличение территории Лифляндии до естественных этнографических границ проживания латышского населения. Притязания латышей распространялись на три западных уезда Витебской губернии (Латгалию) и оккупированную противником Курляндию.

Рассматривая предложение латышских представителей о присоединении к Лифляндской (Видземской) губернии трех пограничных уездов Витебской губернии (Люцинского, Режицкого и Двинского), председатель отметил, что по этому вопросу «не последовало какого-либо распоряжения Временного правительства». По мнению Б.Б. Веселовского, «впредь до получения прямого поручения Временного правительства по сему предмету вряд ли Комиссия может считать себя правомочной разрешать по существу вопрос, имеющий характер самоопределения национальности» [Журнал Комиссии... Л. 15].

Представители латышей дипломатично возразили, что предложенный ими проект отнюдь не преддрешает вопрос об «автономии Латвии, а носит лишь характер временной административной меры» [Журнал Комиссии... Л. 15]. Латышские представители настаивали, что прецеденты изменения административных границ Временным правительством уже имели место. Они ссылались на укрупнение Эстляндской губернии за счет передачи ей пяти уездов Лифляндской губернии (по Постановлению 30 марта 1917 г.) и разделение Томской губернии на две: Томскую и Алтайскую.

Было также отмечено, что после Февральской революции «среди населения трех уездов Витебской губернии возникло сильное движение в пользу присоединения этих уездов к Лифляндской губернии» [Журнал Комиссии... Л. 16]. Это движение вы-

разилось в образовании уже упомянутого Конгресса латышей Латгалии в Режице (Резекне).

Наконец, латышские представители выдвинули самый сильный аргумент, чтобы склонить Комиссию к принятию их проекта: отказ Временного правительства мог, по их мнению, «вызвать самые нежелательные результаты в общественно-политической жизни названных уездов Витебской губернии, непосредственно прикасающихся к театру военных действий» [Журнал Комиссии... Л. 16].

Из рассмотренных Комиссией документов, а также карты, предоставленной латышскими представителями, следовало, что среди сельского населения трех уездов Витебской губернии 60% составляли латыши, до 35% русские и до 5% евреи (к русским участники заседания относили также и белорусов). По мнению Комиссии, «это процентное соотношение изменяется значительно в сторону, неблагоприятную для латышского населения в городских поселениях, где преобладающим элементом являются евреи, русские, а затем уже латыши» [Журнал Комиссии... Л. 16].

Смешанный состав населения трех уездов Витебской губернии, по мнению правительства, не позволял говорить о целесообразности их присоединения к Лифляндской губернии. На этих территориях действовал иной порядок административного управления, а местное законодательство, принятое в Прибалтике, здесь никогда не применялось. «Не надо забывать, — указывали эксперты Временного правительства, — что кроме латышского населения в этих уездах имеется значительный процент (30–35%) населения русского, белорусского и старообрядческого, которое издавна привыкло к общеимперскому строю» [Журнал Комиссии... Л. 17].

Возражения латышских представителей сводились к тому, что в случае присоединения указанных уездов к Лифляндии была бы подчеркнута историческая связь этих территорий с остальными латышскими землями. Также, по их мнению, невозможно было допустить действие в границах одной губернии разных правовых систем. Национальные представители считали, что «земское устройство в упомянутых выше трех уездах Витебской губернии должно быть построено на тех же началах, которые приняты будут для Лифляндской губернии» [Журнал Комиссии... Л. 17].

В итоге мнения членов Комиссии разделились: большинство выступило за передачу Лифляндской губернии трех пограничных уездов Витебской губернии, меньшинство (представители Временного правительства) выступило против. В журнал заседания Комиссии были включены оба мнения, окончательное решение было оставлено за Временным правительством.

Поднятый латышскими представителями вопрос об объединении Лифляндской губернии и Курляндии в одну административную единицу оказался еще более дискуссионным [Журнал Комиссии... Л. 17]. Латышские национальные элиты предполагали распространить все положения реформы местного управления в Лифляндской губер-

нии на Курляндию после ее освобождения. Многие члены Комиссии возражали против самого обсуждения проблемы, считая несвоевременным решать судьбу территории, оккупированной противником. Но так как Временное правительство было настроено на компромисс, участники Комиссии смогли найти устраившую всех формулу.

«По предложению одного члена Комиссии местные представители большинством голосов решили дополнить проект указанием, что настоящее положение распространяется и на Курляндскую губернию после освобождения оккупированной ее части, причем образованная Видземская и Курляндская губернии составляют одну самоуправляющуюся единицу — Латвию» [Журнал Комиссии... Л. 18].

Рассматривая вопрос о языке делопроизводства в Лифляндии, Комиссия опиралась на уже принятое постановление для Эстляндии 30 марта 1917 г. Было решено, что язык делопроизводства губернских и уездных органов самоуправления определяется постановлениями этих органов, «причем каждый имеет право обращаться в эти учреждения и получать от них ответы на русском или на одном из местных языков» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 186].

Все сношения новых органов управления Лифляндской губернии с государственными учреждениями (центральными и местными) должны были происходить на русском языке.

В заключение Комиссия рассмотрела выработанный местными представителями проект закона о введении в действие Постановления о временном устройстве административного управления и местного самоуправления в Лифляндской губернии (в новых границах). Этот проект был подготовлен с учетом уже принятого Комиссией документа о введении в действие Постановления 30 марта для Эстляндской губернии.

Как и в случае с Эстляндией, латышские представители настаивали на немедленном закрытии старых губернских учреждений и передаче их имуществ и дел уже сформированным в Лифляндии земским советам. Комиссия приняла решение признать уже существующие земские советы «общественными организациями, призванными, между прочим, организовать выборы в Губернский совет» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 186]. Таким образом, стихийно возникшие в марте — апреле 1917 г. органы общественного управления в Лифляндии и Латгалии не получили санкции Временного правительства и не стали полноценными местными учреждениями.

На губернского комиссара было возложено «издание правил для производства выборов во Временные губернский и уездные земские советы, а равно общее руководство производством этих выборов» [Постановление Временного правительства... Л. 30]. Выборы во Временный губернский земский совет проводились от уездов и городов по одному представителю от каждых 15 тысяч жителей (в Эстляндии — 20 тысяч жителей). При этом города с меньшим числом населения выбирали по одному представителю от каждого поселения [О временном устройстве... С. 185]. Для законного состава

заседаний губернского земского совета требовалось присутствие не менее половины числа его членов [Правила... Лифляндской губернии. С. 189]. Временные уездные земские советы планировалось образовать из представителей, «избираемых по одному на каждые 5 тысяч жителей от сельских избирательных округов уезда» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 186]. Время открытия губернского и уездных земских советов в Лифляндской (Видземской) губернии было намечено на 1 августа 1917 г. [Журнал Комиссии... Л. 18]. Как и в Эстляндской губернии, срок полномочий новых органов местного управления был установлен до 1 января 1919 г., после чего земские советы в Лифляндии подлежали переизбранию [Правила... Лифляндской губернии. С. 195].

Закон Временного правительства о введении в действие Постановления 30 марта о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии был опубликован 22 июня 1917 г. В дополнение к Постановлению 30 марта в этот документ были включены новые статьи. Они касались организации выборов волостного схода и волостного управления, а также статьи о дорожных и прочих повинностях и сборах, возлагаемых на население волости. В состав волостного общества включались «все лица, проживающие в пределах волости или владеющие на каких-либо основаниях недвижимым имуществом, либо арендующие таковое» [О введении в действие... С. 176]. Правительство опубликовало также подробные Правила введения самоуправления для Эстляндской губернии.

В этот же день было опубликовано Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний. Опубликованные вместе с ним Правила о введении местного самоуправления касались только Лифляндской губернии [Правила... Лифляндской губернии. С. 189].

Постановление 22 июня о Лифляндии содержало отличия от ранее рассмотренного проекта; в частности, оно не упоминало о присоединении к Лифляндской губернии трех западных уездов Витебской губернии (Латгалии). Временное правительство поддержало мнение меньшинства Комиссии и отказало латышским представителям в присоединении этих территорий. Положения документа были распространены на Курляндскую губернию, но без указания на образование новой административной единицы — Латвии. Даже в декларативной форме упоминание об объединении Лифляндии и Курляндии отсутствовало. Министру внутренних дел было поручено «внести на усмотрение Временного правительства подробные правила о введении в действие в Курляндской губернии упомянутого постановления» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 188]. Это означало, что все территориальные притязания латышских представителей по итогам работы Комиссии остались нереализованными.

Временное правительство строго придерживалось принципа «непредрешения» вопросов национального самоопределения, относя их к компетенции Учредительного собрания. Формально-юридический подход, который применили представители правительства во время работы Комиссии Б.Б. Веселовского, оказался удобным бюрократическим инструментом для сдерживания амбиций национальных представи-

телей прибалтийских губерний. Правительству удалось доказать отсутствие правовой связи между западными уездами Витебской губернии и Лифляндией, т.к. на этих территориях действовали разные нормы местного права. Упоминание «общеимперского строя», к которому привыкло русское население Витебской губернии, свидетельствовало о желании правительства добиться известной унификации местного управления и противостоять хаосу на местах из-за стихийно возникших органов новой революционной власти. По этой же причине самопровозглашенным общественным органам не были немедленно переданы дела и имущество ликвидируемых государственных учреждений. В лучшем случае такие общественные структуры рассматривались как промежуточное звено в реформе местной администрации. В постановлении 22 июня для Лифляндии особо подчеркивалось, что оно действует «впредь до издания Положения о новом административном устройстве Прибалтийского края» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 185]. Это означало, что Временное правительство не отказалось от идеи дальнейшей унификации местного управления с включением Прибалтики в единую систему земских учреждений (со своими особенностями).

Заключение

В национальной политике Временного правительства в прибалтийских губерниях весной — летом 1917 г. можно выделить два основных этапа. Первый этап охватывал март — начало апреля 1917 г., когда правительство издало несколько деклараций, при помощи которых стремилось успокоить национальную общественность на окраинах бывшей империи, в том числе в Прибалтике. К числу таких декларативных актов принадлежало Постановление 30 марта 1917 г. для Эстляндской губернии, которое не было сразу введено в действие, оставаясь декретным распоряжением правительства. Оценив обстановку в Эстляндии и Лифляндии, власти в Петрограде пришли к выводу, что в регионе отсутствует выраженное сепаратистское движение, а местные национальные элиты поддерживают революционные изменения и выдвигают требования национальной автономии. Антинемецкие настроения в Прибалтике были использованы Временным правительством для мобилизации дополнительной поддержки официального курса на продолжение войны со стороны местных национальных партий и их лидеров. Это же обстоятельство позволяло окончательно решить проблему немецкого дворянского самоуправления в прибалтийских губерниях и ликвидировать старые сословные и административные учреждения, введя вместо них новые выборные институты.

Второй этап охватывал май — июнь 1917 г. и характеризовался стремлением Петрограда унифицировать систему местного управления в прибалтийских губерниях с общероссийской системой земских учреждений. Подготовленные правительством административные реформы планировалось распространить на всю территорию государства, что также должно было привлечь местное население к строительству нового «демократического» строя. Временное правительство по-прежнему рассматривало Россию в качестве унитарного государства и было не готово давать далеко идущие обещания национальным лидерам, когда речь шла о национальной автономии, а тем более о федерализации.

Благодаря присутствию в Комиссии Б.Б. Веселовского хорошо подготовленных экспертов, обладавших глубокими знаниями местного права, удалось защитить интересы правительства по наиболее принципиальным для него вопросам. Несмотря на обширные требования национальных представителей эстонского и латышского населения, разработанные правительством проекты реформ местного управления в Прибалтике оказались более чем консервативными. Это привело к разочарованию части местных национальных лидеров и протестам сторонников социал-демократической ориентации. На фоне растущей популярности левых партий Временное правительство в глазах многих современников имело один существенный недостаток: оно оказалось «слишком правым» и «слишком умеренным» [Ломоносов. С. 63]. За исключением уступок в области национального языка и введения всеобщих выборов, многие важные требования национальных представителей не были удовлетворены. Укрупнение территории Эстляндской губернии за счет передачи ей пяти уездов Лифляндской губернии осталось редким прецедентом: никакой территориальной компенсации представители Лифляндии не получили. Кроме того, многие вопросы будущего устройства прибалтийских территорий невозможно было разрешить вне контекста Первой мировой войны, причем это касалось не только оккупированной противником Курляндии.

Временное правительство также руководствовалось военно-стратегическими соображениями, которые диктовали необходимость обладания прибалтийским регионом для стратегической обороны Петрограда. Речь шла о тыловых базах Балтийского флота в Ревеле, Рогокюле (Хаапсалу) и морских укреплениях на островах Нарген, Эзель, Даго и Моон.

Практика Временного правительства показала, что решить проблему лояльности прибалтийских территорий предполагалось скорее в духе революционного централизма, а не путем предоставления дополнительных прав населяющим Россию национальностям. Министр иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко на заседании Временного совета республики (Предпарламента) отмечал: «Задачи наши на северном Балтийском море ясны и понятны каждому. Россия без незамерзающей гавани на Балтийском море вернется к временам допетровским. Но тут есть пункт, на который я не могу не указать. Ведь если бы были сильны чувства к единой великой России, великой демократической и свободной России, то не было бы тех болезненных проявлений желания отойти от центра, желания самоопределиваться, которое мы видим сейчас не только в определенных национальностях, но даже в определенных русских группах». [Вестник Временного правительства. С. 3]. Альтернативный путь, «излечение стремления к отторжению и ослаблению великой России», по мнению министра, заключался в создании сильного демократического центра, признаваемого всеми областями.

Последующие события показали, что главным вызовом для Временного правительства в Прибалтике (и в России в целом) был не рост регионального национализма, а распространение большевизма. «Северный фронт, — писал очевидец событий, штабной офицер 12-й армии С.С. Посевин, — опора и защита путей к столицам, это была, вместе с тем, и колыбель обеих российских революций» [Посевин. С. 8]. Больше-

визация российской армии и флота в Прибалтике, защищавших ближайшие подступы к Петрограду, прямо угрожала военным поражением и падением правительства. В августе 1917 г. положение на Северном фронте изменилось не в пользу российских войск: деморализованные части 12-й российской армии под воздействием большевистской пропаганды не смогли больше удерживать свои позиции под Ригой. 21 августа (3 сентября) 1917 г. Рига была захвачена германскими войсками, российские части в беспорядке отступали к Вендену (Цесис). Наибольшие цифры российских потерь в боях под Ригой приходились на военнопленных и пропавших без вести. Некоторые отступившие дивизии оказались в районе Пскова [Зайончковский. С. 146]. Поражение России в Моонзундском морском сражении 12–20 октября и захват кайзеровскими флотом и армией Моонзудских островов открыли дорогу полной германской оккупации Прибалтики. Считанные дни оставались до падения власти Временного правительства в Петрограде, после чего единый «демократический центр», о котором говорил министр М.И. Терещенко, перестал существовать.

Дальнейшее формирование национальных государств в Прибалтике происходило в условиях определяющего фактора Первой мировой, а затем и Гражданской войн. «Антинемецкий» и «антибольшевистский» характер провозглашения государственности Эстонии и Латвии подчеркивал сложные внешнеполитические обстоятельства, в которых оказались малые народы Прибалтики, стремившиеся прежде лишь к национальной автономии. Независимость этих «окраинных государств» (как их называла в том числе советская дипломатия) стала вынужденным компромиссом, достигнутым по итогам Гражданской войны. Становление независимых Эстонии и Латвии (а также Литвы) стало формой разрешения вооруженного конфликта большевистской России и Антанты, а также частью новой архитектуры безопасности на востоке Европы. Роль Временного правительства России и созданных им выборных местных институтов в Прибалтике в формировании этих новых национальных государств невозможно отрицать. Однако весной и летом 1917 г. их последующее становление в качестве независимых наций еще не было предрешено. Национальная политика властей в постфевральской России оказалась достаточно консервативной и централистской, она опиралась на прежние бюрократические практики и паллиативные решения, направленные на сохранение государственного единства. После углубления революции и ухода с исторической сцены общероссийского правительства в Петрограде внешнеполитические факторы в развитии Прибалтики вышли на первый план.

Литература

Вестник Временного правительства. 17 октября 1917 г.

Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. II. Кампания 1916–1918 гг. М. 1939.

Журнал Комиссии по разработке проекта управления и самоуправления в Прибалтийских губерниях, 26–29 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).

Комиссия по разработке проекта управления и самоуправления в Прибалтийских губерниях // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).

- Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин. 1921.
- О введении в действие постановления 30 марта 1917 г. о временном устройстве административного управления и местного самоуправления в Эстляндской губернии // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Пг. 1918. С. 174-176.
- О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний, 22 июня 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Пг. 1918. С. 185-188.
- Основные положения проекта земского устройства Прибалтийского края, 20 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).
- Посевин С.С.* Гибель империи. Северный фронт. Из дневника штабного офицера для поручений. Рига. 1932.
- Постановление Временного правительства о введении в действие Постановления о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской губернии, 1 июня 1917 г. (Проект). ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).
- Правила о введении в действие постановления Временного правительства о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской губернии // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Пг. 1918. С. 189-196.
- Проект Временного положения о губернских и уездных комиссарах, составленный Юридическим совещанием при Временном правительстве, 10 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 15; ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. // Российское Историческое Общество. Электронная библиотека исторических документов. — URL: docs.historyrussia.org/nodes/80424?#mode/inspect/page/2/zoom/4 (дата обращения: 01.07.2025).